

A close-up view of an astronaut's helmet visor, showing the reflection of the International Space Station (ISS) in orbit above Earth. The station's complex structure, including solar panel arrays and various modules, is clearly visible against the bright blue and white horizon of the planet. The background is the dark, star-filled void of space. The helmet's interior and various instruments are visible around the edges of the visor.

ОЛЕГ МУХИН

ЧЕЛОВЕК 6:
НЕВОЗВРАЩЕНОЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Александрович Мухин

Человек 6. Невозвращенец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32535768

SelfPub; 2018

Аннотация

Шестой роман автора – это снова социальная тематика, очередной взгляд на то, что собой представляет человечество и почему оно так неумно себя ведёт. Сюжетная линия вращается вокруг космонавта, находящегося на борту МКС, который не желает возвращаться на Землю. И то ли это потому, что он слишком долго пробыл в космосе и возвращение на родную планету его пугает, то ли оттого, что корни этого поступка таятся гораздо глубже... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	11
3	16
4	19
5	22
6	24
7	28
8	30
9	40
10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Мухин

Человек 6: Невозвращенец

АРТ-ФАНТАСТИКА

Часть первая

Блюдо

Мы продали своё человеческое достоинство за нечеловеческие права над своими ближними.

А. И. Герцен

Иногда я думаю, что я – Иисус Христос.

Джон Леннон

У меня никогда не было настоящего друга.

Брюс Вэйн

Ад это место, где дурно пахнет и никто никого не любит.

Мать Тереза

Истина людям неинтересна.

Сергей Савельев

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

А. С. Пушкин

1

Ольга смотрела точнёхонько в объектив фотокамеры, и поэтому у меня, конечно же, возникло ощущение, что она смотрит именно на меня. Её глаза словно бы говорили мне: «Ну что, Дятел, теперь ты понял, как много ты потерял?» Ольга лежала в позе Данаи на белом, залитом солнцем песке, спиной прислонившись к большому серому камню: каштановые длинные волосы небрежно расчёсаны, налипший песок на коленях, правая нога слегка подогнута. Нежный загар уже тронул Ольгину кожу, оставив алебастровый отпечаток от трусиков там, куда он раньше проникнуть никак не мог.

И действительно, как только я увидел эти зелёные кошачьи глаза, эти розовые полные губы, эту тёмную манящую дорожку внизу плоского живота, меня тут же охватило желание наброситься на их обладательницу и любить её, любить её, любить. Я сразу же захотел кинуть, к чёртовой матери, свою работу, добраться до аэропорта и уже через пару-тройку часов быть в Лас-Пальмесе, чтобы начать наслаждаться тамошней райской природой и тамошней райской натурщицей.

На следующем снимке Ольга предстала в образе этакого капитана корабля. В образе некоей амазонки, одиноко стоящей за штурвалом яхты, оставляющей за кормой пенный бурлящий след. На меня Ольга не смотрела, а устремила свой

взор куда-то в невидимую мной даль. И столько в её взгляде было надежд и ожиданий, что невольно хотелось немедленно составить ей компанию. На втором фото Ольга была тоже в чём мать родила, но у меня не возникло желания заняться с ней сексом, хотя тяжёлые мощные груди отчасти и наводили на эту мысль, а возникло желание стать рядом с этой своеобразной красивой женщиной, ухватить амазонку за талию и поплыть вместе с нею куда глаза глядят, болтая при этом о пустяках и радостно смеясь.

Я провёл пальцем по экрану смартфона, чтобы увидеть очередную присланную мне фотографию. На этот раз Ольга сидела в чёрном кожаном кресле: из одежды только красные босоножки, дымящая сигарета изящно зажата двумя пальцами левой руки, синяя тонкая татуировка на лодыжке – «In fuck we trust». Бесстыдство её топлесс несколько компенсировали сдвинутые ноги, закинута одна на другую. Снова Ольга смотрела в объектив и снова как бы говорила мне о том, чего я не дополучил, отказавшись от поездки. Что-то типа серии эротических картинок с нравоучительным подтекстом. Хе-хе.

Я подумал: «Стрелы попали в мишень» и тут же поймал себя на мысли: «А ведь снимки сделаны профессионально, выдержаны композиционно, чётко поставлен свет. Что-то я никакой селфи-палки здесь в упор не наблюдаю. Ах ты, сучка драная, наверняка, перепихнулась с фотографом. И сейчас, сто процентов, перепихивается». Я оторвал глаза от

экрана, представил, как они кувыркаются. «А чего ты хотел? Беспрекословного подчинения? Личной собственности? Чемоданной модели? Она же творческий человек, свободный. Ей постоянного внимания хочется, любовных приключений. И приключений захватывающих. С её-то фантазией! Миссис Камасутра. Кому-с-утра, кому-с-вечера».

Я перелистнул страницу на смартфоне и обомлел. «Вот ради чего, собственно, ты от меня и сбежала. Вот она, главная цель твоего турне». Это не была фотография. Это была картина. Причём, здорово написанная. Чувствовалась кисть настоящего художника, хорошо знакомого с работами старых испанских мастеров. Цветовая гамма была подобрана искусно, а детали прописаны досконально. Неизвестный живописец даже изобразил сеточку вековых трещинок на холсте, дабы приблизить сие произведение к шедеврам своих знаменитых соплеменников.

Видимо, в каком-то дворце, на фоне мраморных колонн и ступеней, на фоне зарешёченных окон и горящих факелов, на фоне груди виолончелей величественно возвышалась гордая фигура, укутанная в роскошные дорогие меха. Белая меховая шапка, белая меховая шуба, белые сапоги, отороченные белым мехом. Шуба была распахнута настежь, а под ней не было ничего, кроме великолепного обнажённого тела великолепной женщины бальзаковского возраста. На фоне всего этого великолепия заметно выделялись ярко-алые губы «царствующей особы». Как говаривал Давид Гоцман,

«картина маслом».

Я подумал: «Ну, я же говорил тебе, что я так не сумею? Говорил. И я действительно не смог бы написать ничего подобного. Одно дело – рисовать космические корабли, орбитальные станции, фантастические пейзажи иных планет. И совсем другое – заниматься классической живописью. Я же дилетант, самоучка. У меня же нет никакого художественного образования. А ты пристала, изобрази, изобрази твою чувственную плоть, твою прекрасную натуру. Натуру-дуру».

Я ещё раз посмотрел на картину. Хоть художник был и первоклассный, аж завидно мне стало, но картина-то китчевая. Чепуха полная, а не картина. Потому что тот, кто её заказал, – чепушила. Тот, кто её заказал, не имеет вкуса. Красивая этикетка да ноль содержания. Вот мы какие. Все из себя. А на самом-то деле – пустые внутри. In fuck we trust. Виолончелистка, виолончленистка, мать твою. И что я в ней такое нашёл? Сто процентов, ведь переспала и с этим художником».

Я хотел посмотреть, что она ещё мне сбросила на мобильник, но мне не дали. Зазвонил зуммер селектора. Я нажал на кнопку. Беспокоила моя секретарша Лора. Привычным своим низким, вечно простуженным и прокуренным голосом Лора сказала:

– Сан-Саныч, с вами хочет поговорить Аверин. По какому-то личному, конфиденциальному вопросу. Он сказал, срочное дело, не терпит отлагательств.

Я подумал: «По личному вопросу? Этого мне только не хватало». А вслух пробормотал:

– Переключи, милая, картинку на кабинет.

2

В отличие от вчерашнего дня Кирилл был одет в официальную, так сказать, одежду – синий лётный комбинезон, доверху застёгнутый на «молнию». Надо признаться, наши, российские комбинезоны выглядели не хуже американских: на груди – круглая цветастая эмблема миссии плюс табличка с именем владельца на двух языках; на предплечье, как и положено, – национальный флаг.

«Чего это он так вырядился? – подумал я. – Не с президентом, чай, разговаривать собрался. Неужели какая-то сволочь сдала меня с потрохами? Может быть, американка ему что-то наболтала? Но откуда она про нас с Ольгой знает? Что-то я голливудскую звезду нигде не вижу. Да и полковничиху в кадре не замечаю. Видно, на самом деле у нас серьёзный разговор намечается, если Киря женщин убрал куда подальше. Один он в модуле «Звезда» болтается. Ладно, сейчас разберёмся».

Я придал своему лицу озабоченное выражение, включил обратную связь и почти добродушно сказал в надетый на ухо микрофон:

– Привет, рекордсмен. Чего хотел? Что-то неприятное случилось? Проблемы с возвращением? Неполомки какие-то с кораблём?

Он каменно поглядел на меня своими карими, чуточку

прищуренными глазами, потёр переносицу – была у него такая привычка – сухо ответил:

– Нет, с кораблём полный порядок. А вот с возвращением проблемы имеются.

– То есть? – насторожился я.

Кирилл ещё раз потёр переносицу и, словно кадет-новобранец, доложил по форме:

– Товарищ начальник Центра управления полётами, прошу вашего разрешения на продление срока действия моей космической командировки, ввиду хорошего физического самочувствия, а также в связи с незавершением ряда научных экспериментов, проводящихся во благо планеты Земля в целом и всего человечества в частности.

Я опешил от этих его слов, подумал: «Цирк «Шапито», ей-богу; балаган!», а вслух произнёс:

– Ты, случаем, не шутишь? Сегодня ведь не первое апреля, друг мой.

Но, судя по всему, он не шутил. Он посмотрел на меня, не мигая, снова потёр переносицу и на полном серьёзе повторил:

– Господин Дятлов А. А., необходимо ваше «добро» на продолжение моего пребывания на борту международной орбитальной станции «Альфа». Командир корабля «Союз-2ТТ» Аверин К. З.

С минуту я пораскинул мозгами, понял, что он меня не разыгрывает, и что дело действительно принимает серьёз-

ный оборот, стал выяснять реальную причину его поступка.

– Капитан Аверин К. З., – сказал я жёстко, – что-то я не улавливаю сути происходящего. Вы пробыли в космосе больше тысячи суток, то есть порядка трёх лет. Ваше имя будет вписано в Книгу рекордов Гиннеса. По возвращении домой вы получите очередное воинское звание и вторую звезду героя, на родине установят ваш бронзовый бюст. Вам что, этого мало? Чего вы добиваетесь?

Но он хранил гробовое молчание и только интенсивно тёр переносицу; видимо, здорово нервничал.

– Вы, наверное, забыли, – продолжил я, – что завтра в четыре двадцать девять по Москве экипаж «Союза-2ТТ», состоящий из вас, бортинженера Перепёлкиной и космического туриста Бэсинджер, должен отбыть на Землю. Вы, капитан, похоже, запамятовали, что не вы один находитесь на космической станции «Альфа», что вы по-прежнему служите в армии России, и что в Санкт-Петербурге вас ждёт ваша любимая жена.

Однако на брошенную мной фразу о его жене он никак не отреагировал, даже бровью не повёл, чему, кстати, я очень про себя порадовался, а ответил мне всё в том же духе:

– Я настаиваю на продлении миссии.

Упёрся, как баран.

– Вам нет никакой нужды дальше оставаться на станции, – гнул свою линию я. – Вы благополучно отбыли запланированный срок непрерывного пребывания человека в невесо-

мости. Научные эксперименты, не законченные вами, закончит новая экспедиция. Как единственный опытный специалист, вы отвечаете за жизни ваших коллег-женщин и их успешное приземление. Ваша миссия завершена. Чего непонятно?

Но он опять в ответ не издал ни звука и только мрачно позыркивал на меня исподлобья своими карими, слегка прищуренными глазами.

Я увеличил изображение, приблизил его лицо к себе. Подумал: «Да, постарел, ты, брат, за три-то года. Поседел, полысел, осунулся, вон какие морщины у тебя на лбу появились, прямо марсианские каналы, не меньше. Что же ты, дорогой, у меня выторговываешь? Чего урвать хочешь, шантажист хренов?»

И тут, как солнца луч из-за туч пробился, до меня дошло: «Вон оно, оказывается, в чём дело. Это полковничихи работа. Больше никому. Она натрепала. У них ведь с ним в последнее время вроде как романчик служебный наметился, ну она и проболталась. Ах, ты, девка продажная, стерва лупоглазая! А я-то думаю, что он несёт, темнила».

Прервав своё молчание, я пустил пробный шар в совершенно дружественном тоне:

– Если ты думаешь, Кирилл, что ты зря пребывал в космосе тысячу дней, поскольку тебя не возьмут в первую экспедицию на Марс, то ты глубоко ошибаешься. Окончательное решение насчёт тебя пока не принято. Если ты будешь

вести себя адекватно и не выкидывать странные номера, то, вполне возможно...

Однако, не дослушав до конца, Кирилл перебил меня:

– Мне абсолютно всё равно, допустят меня к полёту на Марс или нет. Мне также абсолютно всё равно, разрешат мне остаться на орбите или не разрешат, так как с этой минуты я больше не подчиняюсь никаким командам. Салют, господа-начальники! Я больше вам не слуга.

И отключился.

Я посмотрел на погасший экран монитора, скорчил сверхудивлённую рожу и разразился длинным многоступенчатым ругательством.

3

Физиономия у министра была отёкшая, словно он только что вылез из центрифуги. Хотя, что такое центрифуга, и как она выглядит, думаю, он знал смутно. Министр восседал за советским, ещё той эпохи, столом, тяжёлым, массивным, основательным, изготовленным из морёного дуба. Стол был заставлен телефонами, пресс-папье, различными канцелярскими принадлежностями. Имелась также и хрустальная пепельница, доверху заполненная окурками от сигарет. За спиной министра висел большой портрет президента. Президент хитро улыбался и как бы говорил мне: «Раз ты Дятел, значит, должен стучать».

– Так ты полагаешь, что Аверин сошёл с ума? – спросил министр, внимательно посмотрев на меня сквозь толстые линзы очков. Уменьшенные глазки министра напоминали поросячьи.

– Полагаю, – ответил я слегка дрожащим от волнения голосом. – Видимо, сказалось длительное воздействие космоса. Тысяча сто восемнадцать суток на орбите – всё-таки немало.

Я сидел на шатком, неудобном, твёрдом, как камень, стуле напротив стола министра, а министр рассматривал меня, словно музейный экспонат, и задавал вопросы.

– С медиками советовался? Что говорят?

– Медиков не подключал из-за боязни утечки информации.

– Почему не пообещал ему генеральские погоны, дом на Рублёвке и пожизненную пенсию по возвращении?

– Думаю, он на это бы не повёлся.

– Чего собираешься делать дальше?

– Жду, когда он снова выйдет на связь, чтобы уговорить вернуться.

– Каким способом?

– Привезу в ЦУП его маму.

– А если он не выйдет на связь? Что тогда?

– Но ему же нужен кислород и пища.

– А если нет? Он ведь, как ты говоришь, сумасшедший.

Я промолчал.

Министр разглядывал меня, словно через лупу букашку. Я не знал, куда от него спрятаться. Хотелось забиться в какую-нибудь щель и там затаиться. Старческие пигментные пятна на лбу у министра своим расположением напоминали Соломоновы острова.

– А если он женщин убил? Ты понимаешь, чем всё это пахнет?

Я не проронил ни слова.

Он резко вскочил со своего насиженного места и принялся ходить по красной ковровой дорожке. Туда-сюда. Мимо картины Шишкина «Утро в сосновом бору» и «Девятого вала» Айвазовского. Не хватало только чего-нибудь на тему

Ленина.

– Это же скандал вселенского масштаба. Российский космонавт прикончил свою коллегу и знаменитую американскую актрису. Какая истерия на Западе начнётся. Подмоченная репутация страны. А наши с тобой репутации? Ты представляешь, где ты в результате окажешься? Вылетишь, к чёртовой матери, из фирмы. Без «золотого парашюта». Будешь на бирже труда околачиваться. А я тебе составлю компанию. И это ещё в лучшем случае.

Он вернулся за стол, налил в гранёный стакан воды из графина, выпил, крикнул, покраснел, как рак, и, дыхнув на меня водкой, зло произнёс:

– А во всём ты виноват, падла. Никакой он не сумасшедший. Просто обиделся на тебя за то, что ты, сволочь паскудная, у него бабу увёл...

Помню его маленьким мальчиком, везде сующим свой нос. Одно время мы оба жили в коммунальной квартире на две семьи. Помню, как впервые его увидел, когда он пришёл в ванную комнату с коробкой зубного порошка, зубной щёткой, мыльницей и полотенцем. Он тогда застал меня на месте преступления – я выдавливал в раковину зубную пасту из тюбика. Паста была, кажется, болгарская. «Поморин». Он ввалился в ванную комнату, этакий розовощёкий крепыш, стриженный под полубокс, и очень меня напугал своим неожиданным появлением. Но поскольку он не рассказал моим родителям о том, что он увидел в ванной комнате, я посвятил его в свою тайну.

Помню, как мы с ним ходили за колючую проволоку, за территорию военного городка, в запретную зону, находящуюся у заброшенной железнодорожной ветки. Как копали там порох – «свистуны» и «бочата». Как потом на футбольном поле запускали в небо сделанные мной ракеты, основу которых составляли пустые тюбики из-под зубной пасты и выкопанный из земли порох. Помню, как он радовался, когда впервые увидел, как ракета спускается на парашюте. Потом он сам пробовал запускать свои собственные ракеты (мы оба мечтали стать космонавтами), но у него ничего не получилось, так как он не знал тех секретов, которые знал я.

А ещё я помню, как ему прямо на уроке стало плохо – случился приступ аппендицита, и как я орал на всю школу, чтобы срочно вызвали «скорую помощь» иначе он умрёт, и тащил его бледного, потерявшего сознание со второго этажа на первый.

Помню, как он, снова без спроса, вторгся в мою комнату. Как остолбенел от картины, которую я рисовал, – ««Союз»-«Аполлон»». Как он зачарованно её разглядывал. А затем – в каком ещё большем восторге он был от радиоприёмника «VEF». Я познакомил его с западными передачами о поп- и рок-музыке. Поздними вечерами вместе с ним мы слушали «Голос Америки» и Би-Би-Си. Я научил его отличать Боя Джорджа от «Бон Джови». Уверен, именно мой радиоприёмник пробудил в нём страсть к радиотехнике. Со всем скоро он стал посещать радиотехнический кружок на Станции юных техников.

Помню также, как он установил огромную радиоантенну на крыше того нового пятиэтажного дома, куда их семья переехала. Помню, как он заделался радиолюбителем и, выучив английский язык, начал общаться с радиолюбителями всего мира. Я тоже хотел заняться радиотехникой, но у меня ничего не вышло. Мне были неизвестны те секреты, которые знал он. Зато мне стали известны секреты, как прыгать с парашютом. И я неоднократно прыгал с вышки, стоящей у здания ДОСААФ.

По окончании школы я поступил в лётное училище, но в

итоге так космонавтом и не стал. А он поступил в радиотехнический институт и, в конце концов, стал космонавтом.

– Скрыть ЧП практически не удастся, – сказал министр, разливая остатки «зелёного змия» по стаканам, – счёт идёт на часы. В скобках замечу, что ежели бы не иностранная подданная, то ещё что-то можно было бы сделать. А так... Завтра... – Он посмотрел на наручные часы. – Нет, уже сегодня они должны отстыковаться и лыжи на Землю наострить. Но они не отстыкуются. И тогда ЧП вылезет наружу. И дойдёт до президента. А президент нас с тобой по головке не погладит. Ох, как не погладит. – Министр криво усмехнулся, показав мне свою золотую коронку. – В «старые добрые времена» нам бы, наверное, за такой прокол деревянные бушлаты выдали. Но нынче эпоха другая: демократия, толерантность и вседозволенность, а посему постараемся выкрутиться. Твоё здоровье... – Мы опорожнили стаканы. Лицо министра из красного превратилось в пунцовое. Он теперь рассматривал меня с интересом, словно диковинку. Министр хрустнул солёным огурцом и продолжил: – Если он на связь выйдет, но снова, несмотря на твои уговоры, откажется подчиняться, то пошлём корабль и насильно его заберём, а масс-медиа скажем, что человек заболел физическим недомоганием. Главное, чтобы он ничего плохого с женщинами не сделал. Если он на связь больше не выйдет, всё то же самое – посылаем корабль с крепкими ребятами. Должны, должны выкрутить-

ся. – Министр наколол на вилку две маслины, отправил в рот. Зубы у него были черны от курева. – Что? А если он заблокирует все люки на стыковочных узлах станции? Ну, тогда автогенном придётся дырку резать. ...Чего ты ржёшь, как лошадь Пржевальского? Ну не автогенном, чем-то другим. Мне по статусу не положено в автогенах разбираться. Моя задача, чтобы нас с тобой автогенном не порезали. Так-то вот. Что? А если он девок изнасиловал и прикончил? Тогда это, брат, криминал в чистом виде. Серьёзное дело. Сумасшедшим, как ты говорил, его объявим и в дурку определим на пожизненный срок. Без права на интервью. А как иначе? Убивать нельзя, даже если ты и обиделся, что твой лучший друг с женою твоей спит. Зачем же невинных людей жизни лишать? Ты лучше вернись и здесь разборки устраивай. Правильно я говорю? – Министр пододвинул ко мне банку шпрот. – Доедай да спать пойдём. Утро вечера мудренее. Утром будем с тобой кумекать, как нам себя дальше вести. На свежую голову. Действуя по обстановке. Давай доедай. – Министр сунул руку во внутренний карман пиджака, достал пачку «Marlboro», вынул сигарету, размял её и, глядя на меня с ехидцей, спросил: – Как она в постели? Хорошо ублажает? Да? – И тут зазвонили сразу все телефоны, стоящие на его дубовом столе.

Хотя моя секретарша носила имя Лора, на самом деле за глаза я звал её Дорой. Сто килограммов живого веса, метр восемьдесят – рост, причёска а-ля атомный взрыв, длинный нос, юношеские усики над полной губой, волосатые бочкообразные ноги. (Вопрос: что может быть страшнее, чем женщина с волосатыми ногами? Ответ: женщина с волосатой грудью!) Плюс Лора кашляла так своим хриплым надтреснутым голосом, будто выстреливала из себя снаряды. Ну чем не знаменитая крупнокалиберная дальнобойная пушка «Дора», сделанная в фашистской Германии? Ассоциация напрашивалась прямая. Несмотря на то, что Дора, как женщина, была малопривлекательной, во всяком случае, для меня, ценил я её выше всех моих сотрудников. Она была надёжная, верная, исполнительная, как никто другой из персонала ЦУПа.

Вот и сегодня она была подле меня и отпаивала кофе, возвращая своего шефа к жизни после длительных графинных возлияний в кабинете министра, и одновременно снабжала мою больную головушку свежеполученной информацией. Когда только успела её подготовить? Информация представляла собой распечатанный на листе бумаги текст. Текст был неприятный. Словно кто-то водил иголкой по стеклу. Текст вызывал тревогу.

«По имеющимся сведениям, русская космическая программа дала очередной сбой. Видимо, опять возникли неполадки с бортовым компьютером орбитального комплекса. Иначе чем объяснить то обстоятельство, что возвращение экспедиции отложено на неопределённое время. Европейское космическое агентство уже официально обратилось в «Роскосмос», чтобы там прокомментировали, чем на самом деле вызвана нынешняя задержка. Как только мы получим какие-то подробности о случившемся, наши читатели будут о них проинформированы. Хотелось бы напомнить российским чиновникам, что времена сокрытия от мировой общественности чрезвычайных происшествий закончились с развалом Советского Союза», – сообщала английская «Times».

Лягушатники тоже кое-что разнюхали: «Источник, близкий к Центру управления полётами русских, поделился с корреспондентом «Le Monde» своей озабоченностью относительно не состоявшегося в расчётное время отделения корабля «Soyuz» от международной орбитальной станции с целью возвращения на Землю. Источник обеспокоен фактом неопределённости срока будущей отстыковки. Предположение, что неисправности могли возникнуть из-за сбоя компьютерных программ корабля и станции, источник называет маловероятным. По его словам, причина может быть во взаимоотношениях между ЦУПом и экипажем. Источник намекает, что эти взаимоотношения, скорее всего, обострились из-за проблем, связанных с финансированием экспедиции».

А писаки из «Зюддойче Цайтунг» подобрались совсем близко. Немцы есть немцы. «Новый мировой рекорд непрерывного пребывания человека в состоянии невесомости (1118 суток!), кажется, сыграл с российским астронавтом злую шутку. Похоже, что триумфальное возвращение героя (под звуки фанфар!) будет омрачено его неважным самочувствием. Если столь долгие полёты в космос отрицательно сказываются на здоровье испытателей, то, естественно, напрашивается вопрос, а состоится ли теперь вообще запланированная миссия на Марс? Тем не менее, пожелаем рекордсмену мягкой посадки и скорейшего появления перед журналистами в отличной физической форме, дабы развеять все имеющиеся негативные подозрения в обратном».

«И это ещё Америка не проснулась. Те, наверняка, мёртвой хваткой вцепятся. «Акулы пера», мать их за ногу, – подумал я, прочитав распечатку. – Начальник безопасности прокололся. Сто процентов. Что это за «источник, близкий к ЦУПу»? Менять начальника надо».

Я отхлебнул кофе и позвонил Доре. Приказал: «Через полчаса собирай руководителей отделов на совещание».

А мне позвонил министр. Мрачно пропыхтел:

– На связь он так и не вышел?

– Не вышел, – скупое ответил я.

– А что это за история с невключением его в состав экспедиции на Марс?

Я тяжело вздохнул и попытался объяснить:

– Судя по последней кардиограмме, у него мерцание предсердий. Медики говорят, мерцание идиопатическое, нужны дополнительные исследования. То ли ошибка, то ли нет.

– Может быть, в этом причина его невозвращения?

Министр говорил в трубку так, словно задышался от быстрого бега.

– Может быть, – произнёс я, хотя считал совершенно иначе, подумал: «Кто-то ему явно хвост накрутил».

– А может быть, причина в том, что ты, свинья паршивая, решил вместо него лететь на «красную планету»? – совершенно неожиданно выстрелил мне в висок министр.

– Кто это вам такое сказал? – спросил я, испугавшись до полусмерти.

– Конь в пальто, – буркнул, огрызнувшись, министр и добавил: – Глава администрации президента.

Была там ещё картина в псевдоклассическом стиле, где Ольга изображала Джаконду. Ну, задник как бы от оригинала – средневековый ландшафт, ручки так же невинно сложены, загадочная улыбка, уголок рта вздёрнут, а вот сама Мона Лиза – голенькая; правда, не накрашенная, совсем без косметики девушка.

А завершали эпопею две художественные фотографии. Одна с претензией на прелести Мэрилин Монро, мол, и мы не хуже, а может, в чём-то и получше будем. Тот же сюжет – воздушным потоком задранное платье, но объект желания стоит к наблюдателю не передом, а задом, и поэтому из-под платья выглядывают две довольно симпатичные ягодички. Голова повёрнута к зрителю вполоборота, на голове – соответствующих цвета и фасона парик. Вторая же – с двойным смыслом; так сказать, с подтекстом: женщина, играющая на виолончели, но тела женщины (и головы тоже) не видно, тело её – это сама виолончель, видны только голые ноги и руки, рука водит по струнам смычком. Типа: «Как красиво он гребёт, как скрипач смычком ведёт». Хе-хе.

«Может, это не китч? – подумал я туманно. – Может быть, это юмор у неё такой?»

Секс-юмор? – Отложил смартфон в сторону. – Может быть, все они юмористы: Киря, министр, начальник служ-

бы безопасности? Просто юмор у них особый. Необычный. Чёрного цвета. И поэтому мне непонятный. ... Да чего ж тут непонятного, чёрт возьми? По-моему, яснее не бывает. По-насовали мне шпионов во все места; куда ни плюнь – шпион, житья от них нету, ничего не утаишь. Ну, главе администрации сам бог велел, в разведке человек служил, а министр где нахватался, а Киря? ... Видно, вся система так устроена, что каждый друг за другом подглядывает, каждый у другого что-то вынюхивает. И купить любого можно или чем-то припугнуть, и самому продаться за хорошие деньги или за привилегии. Все вокруг шпионы. И Ольга? А почему бы и нет? И Дора? А уж Дора тем более».

Кто-то несмело постучал в дверь.

Я убрал бутылку коньяка в стол, сказал чуть заплетающимся языком:

– Войдите.

Дверь отворилась, и в мой кабинет стала медленно вползать дальнобойная гаубица на гусеничном ходу. Она направила на меня свой крупный калибр, прицелилась и выстрелила бронебойным снарядом прямо мне в лоб:

– Аверин вышел на связь.

Несмотря на свои семьдесят три года, Гарри Стинг выглядел замечательно. Аккуратно зачёсанные назад чёрные набриолиненные волосы. Стильные большие очки в роговой оправе. Новые модные подтяжки.

Подтяжки были его фишкой. Не было за 26 лет ни одного случая, чтобы он появился в прямом эфире в одних и тех же подтяжках. Всякий раз были новые. Какой-то его страстный поклонник даже разместил в Интернете фотографии всех подтяжек Гарри.

Стинг отпил чая из прозрачной кружки, мельком посмотрел в сценарий и начал:

– Добрый день, дамы и господа. Сегодня у нас настоящая сенсация. «Чистый эксклюзив», как сказал бы Уинстон Черчилль, если бы тому довелось увидеть мучающегося от заповров Иосифа Сталина. Но шутки в сторону, сегодня у нас действительно уникальная передача, поскольку гостем «Inside Out» стал человек, прошедший в космосе – подумать страшно! – три долгих года. И это не потому, что он отбывал срок в космической тюрьме, а потому, что готовился к полёту на Марс. Леди и джентльмены, прошу любить и жаловать – русский астронавт Кирилл Аверин собственной персоной.

Картинка сменилась. Киря смотрелся тоже неплохо. Улыбался в камеру, махал ручкой, поменял свой казённый лёт-

ный комбинезон на чёрную футболку с изображением одетого в скафандр верблюда. Женщин по-прежнему в кадре замечено не было.

– Приветствую Гарри, – сказал Кирилл. – Рад вас видеть.

После этих слов на экране появились сразу две картинки. Гарри, сидящий в нью-йоркской студии, и Кирилл, находящийся на орбите. По ходу программы картинки чередовались.

– Здравствуйте, мистер Аверин, – сказал Стинг. – Итак, вы приняли решение пообщаться со мной. Почему?

– Потому что мне есть, что вам сказать. Это, во-первых. А во-вторых, наши системы мышления во многом совпадают, и вы лучше, чем кто-либо другой, поймёте меня. Кроме того, имеется и корыстный интерес – «Наизнанку» в «живой» трансляции смотрят десятки миллионов зрителей по всему миру. И это обстоятельство мне выгодно.

– Благодарю за доверие. О чём будем говорить?

– О самой интересной теме на свете – о человечестве. О нас с вами, о том, как мы живём и куда, в конце концов, такая жизнь нас может привести.

– То есть это будет ваш взгляд с орбиты на нашу жизнь на Земле?

– Совершенно верно. Знаете, чем дольше я находился в космосе, чем больше я смотрел на Землю со стороны, тем пристальнее вглядывался в то, что на ней происходит. За три года пребывания здесь моё сознание кардинальным образом

изменилось. Я пришёл к выводам, с которыми хочу вас ознакомить.

В начале нашей беседы вы пошутили, употребив выражение «космическая тюрьма». Так вот, в каждой шутке есть только доля шутки. Да, я уподобился заключённому, который, попав в камеру, получил возможность подумать о той ситуации, в которой он оказался, и почему он в ней оказался. Но в более широком смысле. Я получил возможность подумать о той ситуации, в которой все мы оказались, и как нам из этой ситуации выходить.

– Любопытная мысль. Действительно впервые в истории вы стали человеком, который прожил в невесомости так долго, что по сути как бы оторвался от общества и, будучи до этого внутри процесса, оказался вне его. Теперь вы смотрите на наш мир глазами инопланетянина. И как он вам?

– Мир выглядит ужасно. Планета поражена фашизмом.

– Вы имеете в виду какую-то конкретную страну, где присутствует это явление?

– Нет, я имею в виду планету в целом. Вся планета – сплошной фашизм.

– По-моему, вы категоричны в своей оценке. Разве нет ничего положительного? Вы не сгущаете краски?

– Если одни люди убивают других людей – это фашизм. Если людей делят на сорта – это фашизм. Если одни люди умирают от голода, а другим на них наплевать, – это фашизм. Если одни люди живут за счёт труда других людей – это фа-

шизм. Если кучка воров украла у землян те богатства, которые принадлежат всем нам, – это фашизм.

Гарри поправил очки, хлебнул чая с кубиками льда, задумчиво произнёс:

– С такими аргументами не поспоришь. Единственно, что могу сказать в защиту человечества, человечество прогрессирует. Общество цивилизовалось. Оно сделало скачок от каменных топоров и набедренных повязок до супермаркетов и орбитальных станций.

Кирилл потёр переносицу, ещё больше сощурил глаза, почти до щелочек, уверенно пошёл в контратаку:

– Все технические достижения землян появились благодаря науке, благодаря пытливому уму людей, которые их для нас придумали. Если бы не было изобретателей, человечество до сих пор сидело бы в пещерах. Однако на планете уже давно наступил бы золотой век, если бы 70 процентов учёных не работали на войну. Люди участвовали в 15 тысячах войн. В них погибло 3,5 миллиарда человек.

Стинг скрестил на груди руки, откинулся на спинку стула, заметил:

– Сейчас на Земле проживает чуть более 7 миллиардов человек. То есть, фигурально выражаясь, одна половина населения планеты была убита другой половиной.

– Можно и так сформулировать для наглядности.

– Почему же люди постоянно воюют? Как вы думаете? Может быть, потому, что технический прогресс никак не

влияет на человеческую природу? А?

– Ответ очевиден – производители оружия хорошо зарабатывают на войне. Идиотизм состоит в том, что налогоплательщики оплачивают выпуск вооружения, они же его создают, и в результате налогоплательщики воюющих стран убивают друг друга.

– Иначе говоря, мы вплотную подобрались к вопросу о человеческой глупости.

– Человеческая глупость не имеет границ. Кажется, Стиг Андерсон как-то изрёк: «Люди не так глупы, как ты о них думаешь, – они ещё глупее».

– Ха-ха-ха! Это тот, который из «АВВА»?

– Их продюсер.

– Замечательно сказано.

– Да, люди тотально глупы. Например, каждый четвёртый житель Земли верит в астрологию. А две трети взрослого населения США в пришельцев. В Британии приведения – подумать только! – существуют наравне с домашними животными. Не правда ли странно слышать о приведениях в 21-м веке? А как вам этот факт? От курения ежегодно умирают 4 миллиона человек. В общей сложности от табака погибло больше людей, чем во второй мировой войне.

– Что ж. Такая статистика не добавляет ума курильщикам.

– Однако больше всего глупцов произрастает на религиозной почве. Количество верящих в различного рода богов на земном шаре приближается к пяти миллиардам. Это по-

чти катастрофа. Люди отказываются думать, напрягать свои мозги. Доходит до смешного. В Таиланде таблетку от всех болезней изготавливают, растирая в прах страницы Святого писания. Или вот ещё пример. Если принимать каждое слово Библии, как буквальную истину, то Земля окажется плоской. То же самое, если без метафор толковать Коран. В таком случае, утверждая, что она – шар, вы уже становитесь безбожником. Что в 1993 году подтвердил высший религиозный авторитет Саудовской Аравии шейх Абдель-Азиз ибн Бааз. Он издал указ, который провозгласил плоскую Землю религиозной истиной. Всякий, кто считает её шаром, не верит в Бога и подлежит наказанию.

– Тут даже не знаю, смеяться или плакать, – криво улыбнувшись, прокомментировал Гарри.

– А теперь цитата. «Читая описание непристойностей, оргий, жестоких казней и пыток, беспощадной расправы над врагами – а такими историями Библия переполнена – как не счесть её словом дьявольским, а не Божьим? Эта книга послужила развращению и отупению человечества».

– Жёстко. Чьи это слова?

– Томаса Пэйна, англо-американского писателя, философа, публициста, прозванного «крёстным отцом США».

Стинг мелко потрусил головой.

– Самое прискорбное заключается в том, – продолжил Кирилл, – что народ всюду пользуется теми вещами, которые реально работают, а мысленно живёт в мире, который не ра-

ботаает. Ведь для того, чтобы предсказать солнечное затмение, человеку не нужно молиться, а нужно изучать астрономию. Есть такое выражение «Бог в пробелах». Люди приписывают Богу всё, что наука не сумела пока что понять. И поэтому они обращаются к лженауке, навязывая выдуманному им Богу свои желания. Мы создали всемирную цивилизацию, которая полностью зависит от науки и технологии, но мы устроили так, чтобы никто не мог разобраться в этой самой науке и в этой самой технологии. Взамен мы навязываем себе лжезнания.

– Согласен. Потому что общество, проповедующее довольство нынешним своим положением в жизни в ожидании потусторонней награды, таким образом предохраняет себя от глобальных изменений, от переустройств.

– Правильно. Когда же общество научится ценить науку, наступит окончательная победа над глупостью.

– А такое время когда-нибудь придёт? – Гарри снова улыбался. – Как вам кажется?

– Если человечество будет продолжать не замечать то, что с ним происходит, в один «прекрасный» момент оно прекратит своё существование. Знаете, перемещаясь по орбите Земли, я регулярно смотрел новости, читал прессу, слушал радио. И однажды я проснулся и подумал о том, как устроена жизнь на планете. Вот человек рождается. И как только он начинает понимать то, что ему говорят его родители, на него тут же обрушивается система правил поведения в че-

ловеческом мире. Человек не сомневается в их правильности, он воспринимает их, как истину, как высшие знания. Потом, с возрастом, у человека возникают сомнения в идеальности системы, однако он не пытается её изменить, поскольку окружающие его люди, хоть и недовольны ей тоже, но ничего не делают для того, чтобы что-то в ней исправить, и поэтому ему ничего не остаётся, как подстроиться под неё.

Подавляющее большинство людей на Земле тратят свои жизни на приобретение самых необходимых человеку вещей: пропитания, одежды, образования, крыши над головой. Людям просто некогда заниматься теми вещами, для которых и предназначен человек: творчеством, познанием, взаимопомощью. Каждый день каждый из нас участвует в гонке за деньгами. И это называется «современной цивилизацией», приятель.

Почему так происходит? Потому что блага цивилизации неравномерно распределяются между людьми. Те, кто имеют их в большом количестве, продают блага тем, кто их вообще не имеют. Ситуация в высшей степени парадоксальная. Ну, вот представьте. Во вселенной летит космический корабль, а командир корабля и его близкое окружение – офицерский состав – предлагают рядовым членам экипажа приобрести за деньги еду, амуницию, развлечения. Рядовые же члены экипажа постоянно дерутся, ломают оборудование, режут друг другу глотки, стреляют из пистолетов. Звучит нелепо? Напрашивается вопрос: что станет с космическим кораблём?

Но ведь та же ситуация сложилась на Земле.

В Солнечной системе девять планет, и только на одной из них человечество может жить. Мало того, и на этой планете не везде комфортно: мы не способны жить под водой, высоко в горах, в сверххолодных и сверхжарких местах. Полоса комфортного проживания не такая уж широкая. И на этой полосе вместо того, чтобы радоваться жизни, мы ежечасно убиваем друг друга, ненавидим друг друга, конкурируем друг с другом.

Однажды я задумался о том, а что я лично могу изменить в этом мире? Я ведь такой же, как все, приспособившийся, что я один могу сделать? Да и нужно ли что-то мне делать? Я довольно хорошо вписался в систему, в ней мне в принципе удобно: у меня есть высоко оплаченная работа, уважение коллег, я сделался знаменитым в последнее время, обо мне наслышан мир; весьма вероятно, в скором будущем я буду участвовать в полёте на Марс и, не исключено, стану первым человеком, ступившим на поверхность «красной планеты». Зачем мне портить себе карьеру, зачем коверкать свою жизнь? Однако я на это решился. Я подумал, если не я, то кто же? И перестал быть рядовым наблюдателем.

– Да уж. У вас, видимо, есть конкретный план по спасению человечества?

– Есть.

– Хорошо. А вот каков этот план, что нас ждёт, если мы его отвергнем, почему мистер Аверин не хочет возвращаться

на Землю, и куда он дел своих коллег-астронавтов женского пола, мы узнаем после рекламы.

Напоминаю, вы смотрите программу «Inside Out». Я, её ведущий Гарри Стинг, обещаю, впереди вас ждёт много интересного. Не переключайтесь на другой канал, пожалуйста. Реклама пройдёт быстро.

– Странно всё это, – сказал министр, подливая в мой гра-
нёный стакан разбодяженный спирт из графина. – Я уже со-
всем ничего не понимаю. Может быть, ты мне объяснишь,
что происходит?

На этот раз я сидел в таком же кресле, как и он, ничто
не давило на мой зад. В этом смысле я чувствовал себя ком-
фортабельно. А вот общение с министром вызывало у меня
изжогу, отвечать на его бесконечные вопросы мне надоело. Я
посмотрел на свиное рыло моего визави, подумал: «Дать бы
тебе со всей силы по очкам. Оскорбляет меня каждый раз,
гадость четырёхглазая», но вслух произнёс иное:

– Я и сам запутался. Чушь какая-то. Нонсенс. У меня даже
бродила сумасшедшая мыслишка, что он попросит полити-
ческое убежище. – В этом месте министр хрюкнул. – Ну, вы
помните, как в советские времена бывало. – Министр хрюк-
нул снова. – Но теперь, когда они программу закрыли, я, как
и вы, теряюсь в догадках, что бы это значило?

Мы выпили. Министр занюхал кусочком хлеба, спросил:

– А кто этот Стинг вообще? Они с певцом-то, случаем, не
родственники?

– Даже не однофамильцы, – сказал я, поймав себя на ощу-
щении, что фраза звучит, словно из бородатого анекдота. – У
англичанина псевдоним, а у американца нет. Однако и пер-

вый, и второй жалят очень больно. – И объяснил моему собеседнику: – «Стинг» переводится, как «жало».

– Именно поэтому наш рекордсмен к нему обратился, – догадался министр.

– Выходит, что так. Этот «Свирепый Гарри» в Штатах известная личность. Трижды лауреат какой-то ихней телевизионной премии. Отличается пристрастием к обсуждению острых политических и социальных тем. Любит приглашать на свои ток-шоу разных харизматических личностей. В гостях у него побывали и Горбачёв, и Мадонна, и Дэникен, и Каддафи. Похоже, лучшей кандидатуры не нашлось. Вот только как объяснить, почему канал «Фох» вместо второй части интервью с Авериним показал старую запись со Шварценнегером?

– А то, как «Фокс» это объяснил на своём сайте, тебя не устраивает.

– «Неполиткорректные высказывания русского астронавта в адрес религии», – процитировал по памяти я. – Конечно, нет.

– Что он там, во второй части, наплёл, что даже америкосы её показывать не стали? – Министр закурил сигарету, затянулся, пустил струю в потолок.

– Кто ж его знает. – Я посмотрел на портрет президента. – Может, что-то про президента США неполиткорректное сказал.

– А может быть, какие-то тайные сведения врагам выдал,

вот их и засекретили. План у него имеется, видите ли. Допуск у него имеется к нашим военным данным, а не план. Ты его личное дело глядел? В какие тайны он был посвящён?

Я тоже закурил «мальборину», хотя год как шмалить бросил. И тут составил министру компанию.

– Меня другое беспокоит. – Я ушёл от ответа. – Где, чёрт возьми, делись полковник Перепёлкина и народная артистка Америки «Настоящая МакКой»? Такое впечатление, что он их взял в заложники, запер в одном из блоков станции и теперь будет свои условия Земле диктовать, шантажировать планету.

Министр подозрительно уставился на меня; высвободив дым из лёгких, произнёс с нажимом:

– Вы же с ним почти как братья были, не разлей вода. Ты же должен знать, что он задумал. Давай колись, сознавайся.

Я отвернулся от его сверлящих поросячьих глаз.

– Я когда на курсах повышения квалификации был, жил с одним парнем – кажется, из Одессы – в гостиничном номере. Нормально так общались, парень был как парень, абсолютно адекватный. А потом он в органы госбезопасности позвонил и сказал им, что я пишу антисоветский реферат и что в наручных часах у меня спрятан радиопередатчик. Так что сумасшествие, оно возникает внезапно. Вы мне лучше скажите, что нам теперь ждать от начальства, что говорит глава администрации президента?

Но мой собутыльник проигнорировал вопрос, переключо-

чившись на другую тему:

– Может быть, причина в наркотиках? Я смотрю, он западную рок-музыку любит. Футболку с верблюдом зачем-то надел. Группа «Верблюд» называется. Так же, как известная марка сигарет. Видимо, наркоманы ещё те. Может, он гашиш курит? Как считаешь?

– Просто Аверин хочет сказать этим, что плевал он на нас на всех, – поддержал я министра.

– Во время перерыва, – сказал Гарри, обращаясь к Кириллу, – я не терял даром время, а нашёл в Интернете парочку любопытных высказываний о фашизме, автором которых является Оливер Стоун. Мы начали наш разговор с темы фашизма. Вот послушайте, как кинорежиссёр его трактует. Цитата первая. – Ведущий уткнулся взглядом в экран компьютерного планшета. – «Доктрина национал-социализма рассчитана на лентяев, на тех, кто больше всего любит спортивные игры, развлекательные программы по телевидению и кружку пива вечером, после того, как отсидел работу».

Под это описание подпадают большинство, как американцев, так и русских, не правда ли? – прокомментировал Стинг, улыбаясь белозубой улыбкой. – Вот, кем мы оказались, а мы и не догадывались. И вторая цитата.

«Фашизм, в каком бы обличье он ни существовал, тщательно следит за учётом всех и каждого. Ни один человек не имеет права жить без бумажки, на которой приляпана его фотография и стоит полицейский штамп, указывающий адрес постоянного проживания. Порядок прежде всего, тотальная раскассированность индивидуумов по профессиям, вероисповеданиям, возрастам, национальностям, партийным симпатиям и состоянию здоровья». Конец цитаты.

Увы и ах. А мы-то думали, что у нас демократия. Как глупо

боко мы заблуждались, – подытожил Стинг, продолжая улыбаться.

– Оливер Стоун – один из моих любимых кинорежиссёров, – сухо заметил Кирилл.

– Дамы и господа. Вы смотрите «Inside Out». И сегодня с помощью нашего гостя, находящегося в данный момент на орбите Земли, мы попытаемся вывернуть этот мир наизнанку и посмотреть, как он выглядит с обратной стороны.

Перед тем, как уйти на рекламу, мы говорили о том, что у вас, мистер Аверин, имеется некий план по спасению человечества. В чём его суть?

– Прежде, чем поговорить о плане, я хотел бы описать то, что нас ждёт, если мы продолжим жить под флагом фашизма. Итогом всеобъемлющей свастики, вписанной в земной шар, а именно: тотальной лжи, зависти, корысти, ненависти, станет очередная мировая мясорубка, которая перемелет несколько миллиардов человеческих судеб. Мы живём в мире, где очень много недовольных своим статус-кво. Безработица, неравенство, неуверенность в завтрашнем дне, безнравственность – вот причины, породившие неудовлетворённость. И она лишь усиливается. Как только вода закипит, пар сорвёт крышку. Во что это выльется? Третья мировая произойдёт на почве религии. Две веры, в Христа и в Магомета, сойдутся насмерть, пытаясь выяснить, кто из них более фанатичен.

– Вы рисуете мрачную картину, – взял слово Стинг и, под-

глядев в планшет, разразился ещё одной цитатой; видимо, тоже из Оливера Стоуна: «Сообщество бронированных особей, миллиарды существ, занявших круговую оборону в собственных бетонных дотах, с репродукциями Рафаэля, электроплиткой и зеркалом, человек человеку волк».

– Я удивляюсь человечеству, его безответственности, де-визу: «После нас хоть потоп». Мало того, что каждый сам по себе, но и каждая страна сама по себе. Делают, что хотят. Нет ни всеобщей цели, ни плана. Однако я знаю, этот хаос управляем. Теми, кто в нём заинтересован. Они называют себя олимпийцами, небожителями, элитой, суперклассом. Именно они являются богами на Земле. Реальными, а не выдуманными. Их не много. Богов не бывает много. Это главы транснациональных корпораций, ростовщики-банкиры, высшее церковное руководство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.